

Дождь прекратился, и он принял решение.

Он прижал тебя к себе и постучал в дверь дома Эвансов.

Лили, увидев его, вскрикнула от испуга — он был сплошь в ссадинах, одежда пропиталась кровью, а на руках он держал белого лисенка, который выглядел не лучше. Миссис Эванс, не говоря ни слова, втащила вас обоих в дом, и вскоре закипела работа: бинты, антисептики, суета.

Петуния стояла в стороне, глядя на длинную рану на твоей спине, оставленную осколками стекла, и бледнела. Она закусила губу, глаза ее покраснели, но она не проронила ни звука.

— Ей нужен уход, — сказал Северус. Его голос звучал спокойно, пугающе спокойно. — У меня дома... ей небезопасно.

Произнося это, он не смотрел ни на кого, его взгляд был прикован к тебе, словно он пытался навсегда запечатлеть твой образ в своей памяти.

Лили тут же воскликнула:

— Пусть она живет у нас! Мы будем о ней заботиться!

Петуния промолчала, но подошла ближе и осторожно погладила тебя по ушам.

Северус долго молчал. Затем он присел на корточки, чтобы оказаться с тобой на одном уровне. Его пальцы едва коснулись твоей макушки — движение было таким нежным, будто он прикасался к хрупкому сокровищу.

— Сия, — прошептал он, и голос его был таким тихим, что услышать его могла только ты. — ...Не забывай меня.

Он поднялся и, не оглядываясь, вышел из сада дома Эвансов. Он шел медленно, его худая, упрямая фигура напоминала деревце, согнутое ветром, но так и не сломленное.

Ты лежала на руках у Петунии, глядя, как он удаляется, пока не исчез за поворотом улицы.

Ты тихонько твякнула.

Он не обернулся.

С того дня ты стала жить в доме Эвансов.

Супруги Эванс оказались добрыми людьми. Они приготовили для тебя мягкую подстилку, кормили по расписанию и даже возили к ветеринару проверять раны. Ты быстро поправлялась, и шрам на спине уже почти скрылся под густым белым мехом.

Лили каждый день докучала тебе своим вниманием. Она брала тебя в сад и рассказывала о школьных делах, о новых выученных словах, о том, как противный мальчишка из соседнего дома снова ее обидел. Ты чаще всего просто лежала и слушала, изредка похлопывая хвостом по ее руке в знак ответа.

Но больше всего ты привязалась к Петунии.

Это было заметно всем. Ты сама терлась о руки Петунии, встречала ее у порога, когда она возвращалась из школы, и тихонько устраивалась на ее письменном столе, положив голову ей на локоть, пока она делала уроки. Иногда Петуния ворчала, что ты мнешь ее тетради, но никогда не прогоняла.

Однажды, когда Петуния плохо сдала экзамен, она спряталась в комнате и тихо плакала. Ты запрыгнула к ней на колени и ткнулась носом в ее подбородок. Она замерла, а потом обняла тебя, уткнувшись лицом в твою шерстку, и зарыдала еще сильнее. Но ты чувствовала, как ее плечи постепенно расслабляются.

— ...Спасибо, — прошептала она. — Спасибо, что ты здесь, Сия.

Ты лизнула ее в пальцы.

Что касается Северуса, он приходил почти каждый день.

Предлогом всегда служило обсуждение уроков с Лили. Но ты прекрасно знала: первое, что он делал, переступив порог, — искал глазами тебя. И только убедившись, что ты цела и невредима лежишь у ног Петунии или на подоконнике, он расслаблялся и начинал небрежно здороваться с Лили.

Лили, конечно, была рада. Ей нравилось болтать с Северусом, слушать его рассказы о чудесах магии и вместе изучать странные заклинания. Она считала его своим лучшим другом — таким же особенным, как она сама.

Петуния же относилась к нему совсем иначе. Она не любила Северуса. Считала его мрачным, странным, нелюдимым, да еще и вечно появляющимся на пороге в грязной одежде, из-за чего она чувствовала себя неловко перед соседями. Она никогда не скрывала своей неприязни: стоило ему прийти, как она подхватывала тебя на руки и уходила в дом, выражая свое недовольство действием.

Но у тебя были свои методы.

Каждый раз, когда Северус появлялся у ворот сада, чем бы ты ни была занята — даже если грызла печенье, угощенное Петунией, — ты бросала всё и летела к нему.

Ты кружилась вокруг его ног, подняв хвост трубой, и издавала радостное твяканье. Ты вставала на задние лапки и скребла когтями по его брюкам, требуя, чтобы он наклонился и погладил тебя. Ты терлась о его голени, стараясь оставить на них как можно больше своего запаха, чтобы он знал: ты думаешь о нем каждый день.

Северус всякий раз сперва делал строгое лицо и говорил:

— Шумная ты, Сия.

А потом приседал и начинал чесать тебя за ушами и на шее — именно так, как тебе нравилось, заставляя тебя блаженно жмуриться.

Лили смеялась рядом:

— Она тебя просто обожает!

Северус ничего не отвечал, но ты не пропустила едва заметную улыбку, скользнувшую по его губам.

Петуния стояла в дверях, скрестив руки на груди, с недовольным видом. Она смотрела, как ты ластишься к Северусу, и плотно сжимала губы. Вскоре она разворачивалась и уходила в дом, закрывая за собой дверь.

Ты всё замечала, но не знала, как ей объяснить. Не могла же ты сказать: прости, я знала его еще в другом мире, я пришла сюда ради него, я преодолела саму смерть, чтобы принести хоть немного света в его самые темные годы.

Поэтому тебе оставалось лишь играть роль беззаботного белого лисенка, метаться между двумя девочками, искать баланс между объятиями Лили и нежностью Петунии, и каждый раз, встречая Северуса, вкладывать всю свою силу в выражение чувств, для которых не хватало слов.

Ты лежала у него на коленях, чувствуя, как его пальцы перебирают твою шерсть, и слушала, как он нарочито холодным тоном обсуждает с Лили теорию трансфигурации. Солнце заливало вас светом, вдалеке журчала река, и всё казалось таким спокойным и прекрасным.

<http://bllate.org/book/21197/2145812>